

ГЛАВА 7

Работа набрала такой ход, что я уже едва успевал писать накладные от руки – они стали большими и написание их занимало много времени. Вдобавок усложнился учет – требовался компьютер. Рост продаж потянул за собой и новый объем бартера. Куда его девать? «Пересвет» был загружен, «Пеликан» продавал слабо, оставался «Меркурий». В один из дней мы привезли товар в «Меркурий», отец закурил и остался около «газели» на стоянке, а я пошел на переговоры. По обыкновению дверь в кабинет коммерческого директора базы была распахнута настежь.

- Давай, заходи! – приглашая, махнул он мне рукой.

Арсений Михайлович – высокий мужчина под метр девяносто с хорошо развитой мускулатурой, угадывавшейся даже через пиджак, восседал за своим столом в тесной комнатке в шесть метров. Второй стол стоял встык напротив его, третий, загроможденный оргтехникой жался к боковой стене. Разговор вышел короткий и содержательный. Я сразу сказал о звонке Вовки. Выслушав меня и внимательно изучив опытным взглядом, словно просканировав в режиме «свой-чужой», Арсений Михайлович вынес быстрый вердикт.

- Да, поработаем, я думаю! – заявил он. – Надо будет определиться с группами товаров. Что вы можете возить регулярно? Потому что, ты сам понимаешь, если я начну брать у вас, то это должно быть регулярно и цену надо будет держать железно. По плохим ценам я брать не буду, мне проблемы не нужны.

- Цены у вас жестко отслеживают? – поддержал я завязавшийся разговор.

- Хох! Еще как! – Арсений Михайлович, слегка подпрыгнув на стуле, дернул шеей вперед, словно гусь и поправил руками пиджак. – У нас по городу бегают специальные люди, смотрят и переписывают цены на таких же базах. Хозяева все секут четко.

- Можно на «ты»? – уточнил я, чувствуя, что сделка у нас случится и, решив сразу похоронить все формальности.

- Да ради Бога! Можно, конечно! Можно просто Сеня, без всяких «Михайловичей» там! – расплылся тот улыбкой в два ряда ровных белых зубов.

«Вставные почти все, спереди точно», - отметил машинально я, улыбнулся следом.

Обсудив все нюансы, мы быстро пришли к согласию. Сеня мне импонировал все больше. Он определенно относился к тем людям, которые досконально знают свое дело, умеют его вести и того же требуют от других. К таким обычно сложно притереться, но если уж случается, то работа идет в удовольствие. В завершение Сеня сказал, что через два часа скинет по факсу первый заказ.

Я вернулся на стоянку в прекрасном настроении. Отец расхаживал подле «газели» и курил, выслушав меня, обрадовался, не вынимая сигареты изо рта, произнес «О!» и сильнее затянулся. Нервное напряжение переговоров спало и сразу захотелось есть. Тут же в ларьке заказали с отцом по стакану растворимого кофе и два шедевра фастфуда – сосиски в тесте. Желудок побаливал. Я надеялся унять боль едой. Не помогло. На десять минут боль почти ушла, но позже, едва мы поехали, желудок растрясся на ямах, и боль вернулась. Радость успеха в работе омрачилась тупой ноющей болью. Я дотерпел до стоянки и, идя домой, купил обезболивающий сироп и выпил пару ложек, боль отступила.

Под самый конец месяца мы, наконец-то, купили на склад тележку. Обошлась она в те же деньги, что и мобильный телефон и была очень нужна – бизнес набирал обороты. В

начале октября пришла вторая машина из «Люксихима». Свободные дни ушли в прошлое, мы трудились ежедневно, радуясь работе, и уже все сильнее ощущая вечерами усталость.

В эти же дни в гости пожаловал и субарендатор – высокий мужчина лет тридцати пяти типично русской внешности с серыми живыми глазами и светлыми волосами. Его открытое лицо с прямыми чертами производило приятное впечатление. Занимался гость оптовой продажей мотоциклетных запчастей. Он осмотрел сдаваемую в аренду площадь и решили заезжать. Весь следующий день мы занимались развозом, а новоявленный сосед завозил свой товар в склад.

Октябрь прошел спокойно. Сосед быстро обжился и прижился – забил товаром всю свою площадь позади комнаты мотоциклетными шинами и камерами, вдоль стен комнаты поставил стеллажи с товаром, а посреди нее – стол со стулом, ноутбуком и принтером.

С началом ноября потянуло зимой. Световые дни быстро таяли. Мы возвращались с работы уже затемно. И заняться в это время дома было совершенно нечем. В квартире постоянно висела гнетущая атмосфера. Едва мать начинала очередную ругань, как становилось невыносимо и хотелось бежать из этих четырех стен. Мои вразумления и спокойный тон провоцировали ее злобу еще сильнее, чем молчание. Я не понимал, что происходит, и не знал, что делать. Нервничал, пытался понять причины такого отношения матери к отцу и мне, не находил их и бежал в «Чистое небо». Я не заметил, как привык к этому клубу. Меня стало туда тянуть. Я с нетерпением ждал выходных, и каждый вечер субботы проводил там. Иногда и пятницы. Денег было мало. На субботу мне их хватало. А на пятницу уже не всегда. Я как-то умудрялся выжимать максимум из того, что мог себе позволить тратить. Как? Я пил лишь «отвертку» – пятьдесят грамм водки и сто пятьдесят сока – самый дешевый алкогольный коктейль, какой только можно было придумать. Он стоил тридцать рублей. На вечер я брал около трех сотен, выпивал шесть-семь «отверток», аккуратно оставляя не менее семидесяти рублей на такси.

В одну из суббот ноября, я так увлекся алкоголем, что у меня кончились деньги. В десять вечера я уже стоял у барной стойки, тянул из пластикового стакана через трубочку первую «отвертку» и наблюдал, как народ заполняет клуб. «Через два часа будет битком», - прикинул я. Так и вышло. К тому времени я уже допивал третью «отвертку» и готовился к четвертой.

- Может, двойную!? – сказал бармен и показал поллитровый пластиковый стакан.

- Давай! Сколько!? – произнес я.

- Шестьдесят!

Я кивнул, получил коктейль и, покуривая, за полчаса покончил с ним. Похорошело сразу. Двести пятьдесят граммов водки в крови затребовали веселья, и я влился в тесный поток разгоряченных тел, плывущий на танцпол, который дрыгался в едином ритме. Обе зеркальные стены запотели снизу на четверть. Заразившись общим весельем, я скакал несколько минут в полном наслаждении, пока духота не взяла верх и не вытолкнула меня на свежий воздух улицы. Прохладно. В голову почти сразу вернулась ясность. Я закурил. Никотин усилил состояние легкости и безмятежности. Ничего не хотелось. Просто быть таким и здесь. «Все хорошо. Нет, все просто замечательно!» Я неторопливо прогуливался с сигаретой на зябком полуночном ноябрьском воздухе и разглядывал всех и вся вокруг. Продрог. Вернулся в душный подвал и заказал двойную «отвертку». Через полчаса повторил. Хотелось еще. В кармане оставалась жалкая тридцатка. «Отвертка»? Конечно!

Ее я выпил быстро и понял, что хватил лишнего. Я был пьян. Захотелось обратно на улицу за глотком свежего воздуха и просто домой. Я медленно пошел к выходу, взял куртку в гардеробе и поднялся на улицу. Свежо! Два часа ночи. Я в центре города без копейки денег. Идти домой пешком? Это полтора часа по времени. Ноги гудели, хотелось спать. Я побрел по улице, закурив. «Больше всего таксистов около гостиницы, туда дойду, подышу свежим воздухом, может, кто и довезет так, а как приедем, я вынесу деньги из дома. Зачем все пропил? Жаль, что денег мало было, еще бы выпил. Набрался я нормально, все-таки шатаюсь, сейчас вертолётить будет в кровати, опять спать на животе. Может, выветрится хоть чуть-чуть, пока иду», - думал я, идя пошатываясь по ночному городу.

Группа таксистов, нахолившись стоявшая подле своих машин, разом потеряла ко мне интерес, едва узнала об отсутствии денег. Я понимающе кивнул и побрел вдоль ряда машин. Ряд кончился. Еще через пару пустых авто стояла белая «пятерка» или «семерка», сзади было не разобрать – вместо стандартных задних фар у нее горели два красных круга. Из приоткрытого окна с водительской стороны струйкой тянулся сигаретный дымок, и я решил снова попытать счастья.

Через двадцать минут я был дома, бегом поднялся на этаж, взял нужную сумму и вернулся. Парень-таксист стоял на улице подле машины и курил.

- Спасибо, что выручил! – протянул я ему деньги, пожал руку.

- Да не за что, с кем не бывает, - сказал тот, сел в машину, в лице его мелькнуло легкое удивление. – Если что, я всегда там стою, обращайся.

Так я познакомился с Эдиком, студентом, подрабатывавшим частным извозом.

Без компьютера уже стало невозможно. Но лишних тридцати пяти-сорока тысяч не было – недавно же купили новую складскую тележку. Я предложил оформить кредит, отец согласился. Мой паспорт в кредитной организации завернули сразу, пояснив, что безработным кредит не выдают. «Точно, я ж официально безработный, как-то и не думал об этом, работаю и работаю себе», - недоуменно осознал я и запихнул паспорт в карман. Кандидатуру отца – военного пенсионера и индивидуального предпринимателя – после часовой проверки одобрили, и уже через два дня я распаковывал новенькие компьютер с принтером в своей комнате. Зв неделю я установил программу учета движения товаров, ввел туда наш ассортимент, и первые накладные бойко полезли из принтера наружу. Я был доволен. Отец тоже, его глаза растерянно смотрели на мои действия с компьютером. Каждый раз, подходя к компьютеру и наблюдая за моей работой, он смущенно кашлял, чесал в затылке и тихо уходил – компьютер был для отца «темным лесом». Я же засел за него с удовольствием и азартом.

- Ого! Растете! – воскликнул менеджер «Мангуста», увидев распечатанную на принтере накладную.

- Ну да! – расплылся я в довольной улыбке.

Менеджер написал в углу накладной привычное «принять», расписался и протянул бумагу мне. Выйдя на улицу, я пошел на склад под мерный скрип снега – начался декабрь. В работе все шло хорошо – продажи росли, мы сделали уже три завоза от «Люксхима», каждый следующий больше предыдущего. Отказавшись от всех прежних поставщиков, мы снова остались с единственным. Я усвоил предыдущий опыт и решил, что как только заработаем достаточно денег, тут же увеличим число поставщиков.

- Вам там факс пришел, бизмисмены! – сказала презрительно мать, едва мы с отцом вернулись очередным вечером домой, и удалилась в свою комнату.

Я взял со стола факсимильный лист и пробежал по нему глазами.

«Уважаемые партнеры... понятно... для повышения уровня продаж, предлагаем вам взять на себя обязательства на 2003 год по выполнению объемов продаж продукции ООО «Люксхим» на сумму 1млн. 600 тыс. рублей. При выполнении и превышении вами вышеозначенных обязательств, гарантируем по окончании 2003 года выплату вознаграждения денежными средствами в размере 5% от действительной суммы объемов продаж. С уважением, директор ООО... понятно».

- На, почитай! – протянул я лист отцу. – Какое нам предложение прислали!

Тот полез за очками. Чувство голода повело меня на кухню. Я заглянул в холодильник – пусто, посмотрел на плиту – пусто. В хлебнице лежала ржаная корка.

- Па, ну, у нас ничего нет из еды! – крикнул я злясь.

На кухню вошла мать.

- Ма, чего еды нет!? Что ты не приготовила ничего? – уставился я на нее.

- А из чего готовить? Ничего нет! – вызывающе резко ответила та.

- Ма, ну, сходила бы в магазин, купила! В чем проблема-то!?

- Вот сам и сходи! Бери своего папаню дорогого и идите! Я здесь причем!? – мать зыркнула на меня с вызовом, повернулась спиной.

«Началось, не прошло и недели с прошлой ругани, опять за свое», - понял я все:

- А ты не можешь, да!? Целый день дома была! Мы же только с работы пришли!

- Это не твое дело, где я была и чем занималась, понял!? – резко обернулась мать и пошла прочь из кухни, кинув через плечо. – Вон, руки в ноги и вперед! В магазин!

- Так я не понял, а еду готовить ты будешь или нет!? – чувство голода не оставляло мне сил злиться.

- Может быть, буду, а может, и нет! – донеслось из коридора. – Я подумаю!

- Понятно, - сказал я, но уже больше себе, чем ей.

На кухню вошел отец. В очках и с бумажкой.

- Да, интересное предложение! – глянул он на меня поверх очков, почесал под носом. – Мда! Что думаешь по этому поводу?

- Да ничего я не думаю! – бросил я, чувствуя, что на взводе. – Есть хочу! Еды нет! В холодильнике пусто! Матери все до лампочки! В магазин идти надо, вот что я думаю!

Отец уставил на меня удивленный взгляд.

- Хочешь, вместе пойдем в магазин, заодно по дороге и обсудим эту бумажку!? – смягчился я. – Могу и сам сходить! Смотри, как хочешь!

- Да нет, в магазин идти надо, - отец снял очки. – Сейчас, идем. Идем вместе.

По пути в магазин и обратно мы решили, что беря на себя обязательства, ни чем не рискуем: выполним – получим бонус, не выполним – ну и ладно. Попытаться стоило. Мы принесли два пакета еды и забили ею холодильник. Едва отец взялся готовить ужин, как на кухне объявилась мать и с недовольным видом сказала, что сейчас сама все приготовит. «Сама, так сама, не будем мешать», - подумал я и вышел прочь.

Отец весь вечер просидел над расчетами, что-то писал на бумаге, тыкал пальцами в калькулятор, а на утро разбудил меня фразой: «Смотри, я все посчитал. Не спишь?»

- Теперь уже не сплю, - сказал я.

Отец причмокнул и закричал – готовился начать говорить.

- Вот смотри, я посчитал все позиции, какие мы берем у «Люксима» и примерный объем продаж. Просчитал его на год вперед, с учетом сезонов на синьку и все остальное и с учетом того, что Асланбек обещал начать выпуск новой продукции весной...

- Какой новой продукции? – спросонья удивился я, вспомнил. – А, да! Было дело.

- Я предлагаю подписать такое соглашение! – будто официально заявил отец.

- А кто против? – сказал я. – Я – за. Давай, подпишемся под эти объемы, все равно ничем не рискуем, а если выполним, так восемьдесят тысяч нам не помешают.

В тот же день мы отправили в «Люксим» очередной заказ. Отец в телефонном разговоре дал Эдуарду Дмитриевичу согласие по объемам продаж на следующий год, тот, в свою очередь, пообещал приехать лично и привезти экземпляры соглашения.

С погодой в декабре везло, всю первую половину месяца температура держалась до пяти градусов ниже нуля при полном безветрии и ясном небе. День, когда должен был приехать дряхлый «МАЗ» из Краснодара, мы освободили от работ, были дома и ждали грузовик к полудню. Но случилась поломка в паре часов езды от города, и только в семь мы с отцом выехали на склад. И сразу же погода начала резко меняться. Небо заволкло тучами, и сверху мелкими зернами пенопласта посыпался снег. Я смотрел сквозь лобовое стекло на эту падающую из чернильного неба красоту и думал о близости Нового года. Едва мы подъехали к складу, как густо повалил снег, и поднялся ветер. Он закрутил снег вихрями и погнал поземку. Кожей лица ощутилось легкое похолодание. «Где-то минус десять, терпимо, лишь бы холодней не стало», - подумал я, ныряя в склад погреться. Минут двадцать скоротал за разговорами с отцом и снова вышел на улицу. Снег пошел сильнее! Его напало уже по щиколотку. «Кажется, еще холоднее стало», - подумал я, чувствуя мороз быстро подмерзшими щеками, и снова вернулся в склад. Через полчаса снаружи послышался гул и лязг работающей техники. Я вышел. Снег валил всюду! Лицо сразу схватило морозом. Звук доносился со стороны главной дороги базы. Я юркнул в узкий проход меж складами и, утопая в снегу по колено, вышел на звук и замер – с неба валила сплошная белая пелена. То тут, то там буксовали в сугробах или, застряв, стояли машины. Меж ними сновал трактор, распахивая ковшом снег в отвалы у складских стен.

- Там снег валит с жуткой силой! – почти крикнул я, вбежав в склад, обсыпанный снегом и держась за подмерзшую мочку уха. – Перед складом по колено! Надо чистить, а то ворота не откроем! И холодает там быстро.

- Придется чистить! – раздраженно сказал отец.

- Давай, позвони им! – предложил я. – Узнай, где они там!?

Отец позвонил. «МАЗ» уже тащился по левому берегу города.

Следующие полчаса мы азартно откидывали снег от склада и расчищали площадку под машину. Под ногами скрипело и изо рта валил пар. «Да уже и все пятнадцать точно», - озадачился я и активнее заработал лопатой. У отца в кармане зазвонил телефон – машина подъехала и стояла снаружи у ворот базы. Мы оставили лопаты, и пошли туда. Знакомый «МАЗ» стоял на обочине. «Хорошо, хоть без прицепа», - подумал я. Пассажирская дверь открылась, и из кабины в светло-коричневой дубленке, сером костюме и легких туфлях вывалился коммерческий директор «Люксима». Ноги его сразу ушли по колено в сугроб.

- Ох, ничего себе! Ё-мое!!! – выпучил глаза Эдуард Дмитриевич, став в тот момент для меня просто «Эдиком». – Вот это у вас погода, Рома!

- Так зима же, Эдик! – сказал я, рассмеявшись. – А как ты хотел!?

- Так у нас зима! – пожал тот мне и отцу руки. – В Краснодаре сейчас плюс семь!

Эдик выбрался из сугроба и начал дрыгать ногами, вытряхивая снег из туфель.

Через пять минут «МАЗ» заехал на базу, ее центральная дорога была уже свободна от снега. Пока я и отец пыхтели и откидывали лопатами снег от нашего склада, объявился трактор, пыжась от натуги, он пронесся по соседней дороге, разом ее расчистил и унесся прочь. Обрадовавшись такой помощи, мы быстро дочистил проезд к воротам склада. Лицо отца стало красным от мороза, будто покрылось неподвижной коркой. «Я, наверное, такой же сейчас», - подумал я и, преодолевая замерзшую корку лица, с трудом произнес:

- Сколько времени?

- Без десяти десять, - сказал отец.

- Сколько же сейчас градусов!? Все двадцать!?

- Да, похоже на то, - отец, будто вареный рак, смотрел на меня красным лицом. –

Облаков совсем нет. Небо ясное. Будет еще холодать.

Я задрал голову вверх. Небо высыпало огромными звездами. «Точно к морозу», - понял я, отгоняя мысли о теплой ванне и кровати. Снег почти перестал идти.

Через полчаса «МАЗ» уже стоял у нашего склада, раскрыв задние двери «сарая». Приступили к выгрузке. Я знал Эдика чуть больше трех месяцев, но уже понял главные особенности его характера – настырность, жуликоватость, хитрость и лень. Мороз имеет одно хорошее свойство – в холод начинают трудиться даже самые отъявленные лентяи. Едва я забрался в кузов и начал подавать коробки к краю, как Эдик тут же схватил одну из них и поставил на поддон. Работа закипела и начала согревать. База затихла и опустела. Водитель, выдержав минут двадцать в остывающей кабине, присоединился к нам.

Пританцовывая со скрипом в тоненьких туфлях, Эдик выведаль у меня, где можно купить сигареты и почти бегом скрылся в проходе меж складами. Я замер, втянул носом воздух – температура явно продолжала падать.

- Сколько же сейчас градусов? – посмотрел я на отца и водителя.

- Больше двадцати точно, - ответил отец клубами пара и шмыгнул носом.

- А времени сколько!? – выкрикнул я изнутри «сарая» не останавливаясь в работе.

- Поддвенадцатого, - глянул отец в окошко телефона, достал сигареты.

- Перекур? – сказал я.

Отец кивнул. Я полез за своими. Достал одну, предложил водителю.

- Не, я не курю! – замотал тот головой.

- Счастливый! – затаился я, выдохнул дым с паром. – Я тоже когда-нибудь брошу.

- Ты!? – отец замер с неверием во взгляде. – Не бросишь!

- Чего это я и не брошу!? – удивленно задрал я брови. – Я курю мало, всего-то пятьдесят сигарет в день. Это ты вот не бросишь! Куришь, потому что по пачке за день!

- Вот посмотришь! – заявил решительно отец. – Лет через пять брошу!

- Через пять? – прищурился я, прикидывая в уме. – Значит в конце две тыщи седьмого, ну, округлим до первого января восьмого, ты бросишь, да!?

- Вот увидишь! – презрительно глянул отец на сигарету. – Нечего делать брошу!

- Ну, ну! – ухмыльнулся я. – Посмотрим, посмотрим, кто еще бросит!

Из черноты прохода, поживаясь и куря на ходу, прискрипел Эдик – продолжили работу. Выгружали товар быстро, почти в полной тишине, желая лишь скорей закончить.

Через двадцать минут Эдик снова убежал к торговым павильонам. Мороз не давал спуска, мы трудились без остановки. Оставшись один, отец уже не поспевал принимать товар, и я прыгнул к нему. Блестя глазами и глуповато улыбаясь, из прохода вразвалочку появился Эдик.

- Ты чего там, принял что ли!? – внутренне веселясь, сказал я.

- Не, не, не! – замотал руками тот. – Рома, как можно! Что ты говоришь такое!?

- Давай, лезь в кузов, там поможешь! – поплыл в улыбке я.

Кряхтя и прицельно задирая ногу, ища опоры, Эдик с трудом вполз внутрь «сарая», взял коробку, прижал ее к животу и, ступая враскоряку по скользкому металлическому полу кузова, запричитал: «Что это такое? Двести долларов! Костююм! Подааарок! Только неделю назад подарили мне...» Икнув, он чуть не выронил коробку, донес ее и поставил на край кузова, отдышался, поправил сползшую на глаза шапку и расплылся розовым лицом в счастливой улыбке. Остальные смотрели на представление молча и тоже улыбались.

- Я вам помогаю, Анатолий Васильевич! Вы заметили? – поднял драматично Эдик указательный палец вверх, икнул, развернулся и так же враскоряку потопал вглубь кузова. – Двести долларов! Костююм! Подааарок!

Эмоций ситуации хватило минут на десять, после все стихли, устали и работали уже механически. Эдик продолжал нечленораздельно бурчать, но тоже уже не веселился. Я промерз почти насквозь. Работа грела мышцы, но костям уже давно стало холодно.

Закончили в час ночи.

На базе стояла звенящая тишина. Эдик с водителем торопливо простились с нами и сразу полезли в кабину «МАЗа». Я закрыл склад и устало побрел к «газели». Через минуту стартер грузовика ожил, дизель схватился и бодро застучал. Настала наша очередь. Отец включил зажигание, вытянул заслонку, посидели в кабине с минуту так. Отец крутанул ключ, стартер закрутил бодро. Десять секунд. Без толку. Ни один цилиндр не схватился. Отец вывернул ключ на себя и подкачал бензин. Пытаясь согреться, я сидел неподвижно и апатично от усталости смотрел перед собой. Спать не хотелось. Каждая клетка меня думала о тепле: «Сначала согреться, а потом... а потом что угодно, но сначала согреться».

Отец повторил. Стартер почти также бодро начал, но замедлился уже быстрее.

- Этого еще не хватало, - озвучил отец нашу общую тревогу.

- Сейчас заведется. Давай посидим подольше, - подбодрил я его, начиная рисовать в голове картину, как мы оставляем «газель» на базе, а сами топаем до окружной дороги, по которой ночью мало кто ездит, и пытаемся поймать машину в полвторого ночи.

Третья попытка. Стартер три раза бодро крутанул вал, почти сдох на четвертом, и – о, чудо! – один цилиндр выстрелил раз, и двигатель замер.

- Есть! Сейчас заведется! – приободрился я, отец тоже.

Четвертая попытка. Двигатель схватил сразу и зарычал изо всех сил в ночной тиши, кутая «газель» в густые клубы выхлопных газов. Отец тронул рычаг заслонки, двигатель хватанул ледяного воздуха и заглох. Но уже было неважно. «Раз схватился, значит, точно заведется», - приободрил себя мыслью я.

Через сорок минут мы были дома – пока завели и прогрели машину, пока доехали по заваленным снегом дорогам, пока загнали «газель» на стоянку, вот уже и два часа ночи. От стоянки шли, чуть ли не вприпрыжку. Я махал руками, старался согреться, но тело не реагировало, подавая лишь сигналы о желании тепла. Дома я мигом набрал ванну горячей воды и залез в нее по шею. Я сидел несколько минут, но внутренний холод колотил меня

не переставая. Набранная вода остыла, а я не согрелся. Открыл кран, кипятик пошел в ванну. Не помогало. Холод будто засел в моих костях. Тепло воды лишь грело мышцы, не в силах проникнуть глубже. Я просидел минут двадцать, без толку, вылез из воды, оделся во все теплое – толстые носки, военное зимнее нижнее белье и поверх спортивные штаны с легким свитером. Все равно холодно. Меня трясло. Сидя на кухне и прижимаясь ногами и руками к огненной батарее, я выпил чаю. Подействовало, холод изнутри вышел, и я перестал трястись. Сразу навалилась усталость, потянуло в сон. Я пошел в свою комнату, залез, как был под пуховое одеяло и, изредка вздрагивая остатками холода, уснул.

Соглашение, которое привез с собой Эдик, мы подписали на следующий день и отправили почтой в Краснодар.

Остаток декабря прошел спокойно. Вечера я проводил за компьютерными играми, а по выходным тусил в «Чистом небе». Я даже Новый год хотел встретить там, но вышло все буднично и бестолково. На праздник меня в компанию пригласила девушка, в которой я знал только ее. Новогодняя ночь вышла ужасной. Мой желудок и так уже давал сбои, а тут еще я наелся соленой рыбы и выпил отвратительного дешевого вина. За пару часов до полуночи у меня случился жестокий приступ изжоги. Аптеки, естественно, были закрыты, в квартире не оказалось даже соды. Все внутренности жгло, тяжесть в желудке мешала дышать. Время будто остановилось. Меня едва не вырвало посреди ночи. С рассветом и первыми автобусами, совершенно измученный, я поехал домой и выпил соды – изжога отступила. Меня вывернуло в унитаз. Первое января я проходил по квартире зеленый, питаюсь манной кашей, заботливо приготовленной матерью. Мне полегчало, и в субботу четвертого января я поперся в клуб.

- Ну чо, как сходил!? – уставился на меня веселым взглядом черных глаз Эдик.

Я ввалился к нему в машину с привычным запахом водки, виноградного сока и отличным настроением. Вечер удался. Его не омрачили даже легкие ноющие боли в желудке, которые я залил изрядным количеством алкоголя. Я тяжело дышал от выпитого и выкуренного. Домой не хотелось, хотелось протрезветь. Клиентов у Эдика в тот вечер было мало, и мы завели разговор ни о чем. Оказалось, что он таксовал уже второй год, с самого начала отношений со своей девушкой. Квартиру они снимали. «Семейная жизнь», со слов Эдика, ему нравилась, только ругались они с девушкой часто.

- А чего ругаетесь-то!? – уставился я на него. – Ты ее любишь хоть?

- Люблю, конечно, - кивнул Эдик, удивленно глянул на меня из-за вопроса.

- А она тебя? – продолжал я.

- Ну, любит, я думаю, иначе б не жила со мной, - ухмыльнулся тот.

- А раз любите друг друга, чего ругаетесь-то? – заулыбался я.

- Да все ругаются, - Эдик задумался. – Иногда она меня просто бесит, так тупит. Я ей говорю, зачем так делаешь? А она не понимает, делает все по-своему. Так мозг выносит. Постоянно ноет «вот, ты не мужик, денег нет, деньги не зарабатываешь!» А откуда у меня деньги!? Я студент! Едь, говорит, таксуй, зарабатывай деньги! Ну, я и сажусь в машину и вот, катаюсь по городу...

- Не понимаю я ничего в ваших отношениях, - сказал я, осознав, что ответы парня не внесли ясности в вопрос полов. – Но, если живете вместе, значит, все устраивает?

Эдик не успел ответить.

- Красивая? – копнул я глубже, задав откровенно тупой вопрос, будто найдется в мире мужчина, который скажет про свою девушку, что та страшная.

- Само собой! – машинально выдал Эдик, осознал наглость вопроса, уставился на меня удивленно, но следующий вопрос был уже тут как тут.

- А фигура, ну, внешне, в теле или стройная?

- Да как я вот, - Эдик ткнул руками себе в грудь и засмеялся.

- Да ты тощий как скелет, - засмеялся и я.

- Ну, не такая прям... стройная...

- А, ну это другое дело, - я театрально перевел дух и сказал, что мне нравится другой типаж – фигуристые смуглые девушки с заметными формами.

- О! Губа не дура! Всем такие нравятся! – заерзал в кресле Эдик, задумался вдруг, закурил и сказал, что такая знакомая есть, что девушка та умная, разборчивая, снимает вдвоем с отцом-дальнобойщиком квартиру где-то в моем районе и как раз сейчас в поиске нормального парня, а то отношения с нынешним ее не устраивают.

Я удивился наличию у девушки парня, раз она находится в поиске. Эдик успокоил, сказав, что тот парень несерьезный и ей не пара и предложил познакомиться с девушкой в общей компании в ближайшие дни, да хоть на Рождество. Я согласился.

Компания собрались 8 января в «Чистом небе». Я пришел последним. Эдик со своей девушкой и смуглая брюнетка с четвертым размером груди и парнем уже сидели за столиком. Я подошел, и Эдик меня представил.

- Инна, - сказала девушка, и я пожал красивую, но крепкую женскую руку.

- Саня! – сказал ее парень, долговязый худой молодой шатен лет двадцати двух с ниспадающими на глаза кучерявыми вихрами, конопатым носом и счастливым по-детски улыбочивым и беззаботным лицом.

Я пожал и его длинную «клешню».

Девушка Эдика – некрасивая угловатая брюнетка, с пустыми стеклянными глазами, жидкими прядями волос и недовольным заостренным лицом представилась последней. «Какая страшная... Если это красивая, то у Эдика в голове гайки вместо мозгов», - подумал я и сел пятым к столику.

Общение в незнакомой компании всегда складывается одинаково – формальные натянутые разговоры на общие темы и неявное изучение новых лиц. С девушкой Эдика все стало ясно сразу. Ее манеры общения и характер оказались под стать внешности – визгливая дерганая истеричка. Саня продолжал улыбаться. Общение с ним завязалось живое, но до жути примитивное. «Сознание, не отягченное интеллектом», - вынес я вердикт, и Саня принялся разливать водку. Я не хотел пить ее чистую. Зачем люди пьют водку? Ведь у нее нет вкуса. Но сразу выбиваться из компании не хотелось, и я кивнул утвердительно на предложение Сани. Рюмки быстро наполнились, глаза Сани заблестели. Мы выпили по первой. К этому времени Инна устала сверлить меня изучающим взглядом, и я смог украдкой ее разглядеть. Выше метра семидесяти, крепкая, плотная девушка с широкими плечами, развитыми бедрами и тонкой талией. Фигура ее была женственна, но не той слабой и слащавой женственностью, отдающей жеманностью и бесполезностью, а энергичной, той, что вызывает в мужчинах и желание, и уверенность в жизненной силе ее обладательницы. Смуглая. Смоляные прямые волосы в каре. Никаких украшений на длинных красивых тонких пальцах с плотными здоровыми чистыми короткими ногтями

без лака. Чуть тонковатые плотно сжатые губы и цепкий взгляд черных внимательных глаз, выдавали в Инне девушку прагматичную, знающую, что такое житейские трудности.

Наконец, включилась музыка, избавив компанию от натужных разговоров. Клуб ожил, и на танцпол потянулись люди. Саня отработанным движением быстро налил всем по второй. В его суетливости и горящих глазах читалось непреодолимое желание выпить. Едва был сказан тост и подняты рюмки, как в долю секунды Саня запрокинул голову и плеснул в рот водку. Все выпили следом. От запаха водки меня передернуло, я принялся за салат. Инна откровенно пялилась. Глаза девушки ясно говорили, что она посвящена в скрытый смысл вечера. Неловкость от прицельного взгляда Инны подтолкнула меня на беседу с ней. Девушка Эдика флегматично жевала зелень. Саня улыбался и вожаделенно трогал начатую бутылку водки. Вялое общение тянулось еще минут десять, после чего Инна встала во весь размер груди – тонкий обтягивающий черный свитер, черная выше колен юбка, черные туфли на десятисантиметровой шпильке – и пошла танцевать.

На танцполе стало густо. Я вяло перебрасывался фразами с Эдиком и поглядывал в сторону Инны. Танцевала она пластично, откликаясь на ритм энергичными движениями тела. Пару раз призывно махнула в нашу сторону. Сидя спиной к танцполу, Саня разливал водку. Пить не хотелось. Я встал и, подбадриваемый сальным взглядом Эдика, двинулся к Инне, поймал ритм и задвигался ему в такт напротив девушки. Та улыбнулась крепкими ровными рядами зубов и сверкнула чернотой глаз. Движения Инны тут же стали активнее, грудь призывно заколыхалась. Я глянул в сторону столика – Саня пил, Эдик посматривал на нас. Мой взгляд упал на грудь Инны. Та заметила, улыбнулась ярче, взяла мою руку в свою и задвигалась энергичнее. «Фарс какой-то. Девушка при своем парне заигрывает с другим», - озадачился я, впервые оказавшись в такой ситуации.

Мы протанцевали две песни. Я аккуратно балансировал на грани приятельского поведения. Инна веселилась и открыто меня клеила. Мне надоела вся эта неловкость, и я вернулся к столику. Водка кончилась, Саня грустил. Желая передышки, я отправился к барной стойке, заказал двойную «отвертку» и остался трепаться с барменом, ощущая на спине внимательный взгляд Инны. «Цепкая подруга, а Саня тряпка, чего она с ним трется, от безвыходности что ли? Они явно не пара», - плавали в моей голове мысли.

Остаток вечера прошел также. Танцы, парочка медленных композиций, во время которых Инна сознательно прижималась ко мне грудью, я поддерживал ее за талию чуть сильнее, чем просто формально. Танец, как ничто другое передает энергетику партнерши – под рукой либо рыхлое и безвольное тело, либо упругое и пышущее жизнью. Тело Инны плавило мою руку грациозностью и силой пантеры. Ловкая цепкая пластичная сильная и умная. Опасный коктейль.

Слегка за полночь мы покинули клуб. Инна держала счастливого Саню под руку и многозначительно улыбалась. Распрощались на выходе. Я поймал машину и через полчаса был дома. «Не надо с ней вязаться, сегодня улыбается мне, держа парня под руку, завтра следующему», - решил я и мысленно отложил девушку в раздел «ненужное».

После праздников работа закрутилась с новой силой. Едва мы загрузили клиентов товаром, как ударили «Крещенские морозы», температура в два дня упала ниже двадцати пяти градусов и держалась неделю. Каждый рабочий день превратился в отдельную битву на выживание. «Газель», первые два дня еще заводившаяся, на третий на потуги стартера ответила молчанием. Мы сняли аккумулятор и понесли домой, вынужденно устроив себе

выходной. На следующее утро мы с трудом завели машину. Переждать морозы никак не получалось – заказы шли регулярно и в большом количестве. Работали быстро: подгоняли «газель» к складу, выскакивали наружу, бегом грузили товар в кузов и, успев промерзнуть до костей, ныряли в спасительное тепло кабины. Два рейса в день – норма. После снимали аккумулятор и несли домой. В квартире тоже стало прохладно. После работы я сидел по часу в горячей ванне, потом натягивал на себя теплые вещи, ужинал, готовил накладные на следующий день и ложился в одежде спать.

К концу января терпение кончилось, я возненавидел морозы всей душой, как вдруг небо заволокло тучами, резко потеплело до «минус» пяти, и пошел крупный мягкий снег.